

«Я ПРАЗДНУЮ, КОГДА РАБОТАЮ»

Исполнилось 100 лет со дня рождения И. С. Ефимова

ИВАНА Семеновича Ефимова я узнал более полувека назад. И с первых лет нашего знакомства до его последних дней, тех дней, когда в залах Союза художников была развернута прекрасная выставка его произведений совместно с живописными полотнами его жены — Нины Яковлевны Симонович-Ефимовой, я всегда ощущал его необычайную артистичность, которая проявлялась во всем — в его произведениях, в его внешнем облике, ощущал многогранность его таланта, которая напоминала о мастерах эпохи Возрождения.

Наши творческие судьбы часто переплетались. В двадцатых годах мы состояли членами Общества русских скульпторов (в 1926—1927 гг.). Иван Семенович был заместителем председателя ОРСа, вместе участвовали на выставках ОРСа.

Помню прекрасное время, когда мы дружным творческим коллекти-

вом жили и работали на Конаковском фарфоровом заводе. А трудился в этом коллективе В. Фаворский, И. Ефимов, С. Лебедева, Г. Кепинов, И. Фрих-Хар, М. Холодная, А. Зеленский, я и другие художники. Совместно с Иваном Семеновичем мы были преподавателями скульптуры в организованном тогда Вхутемасе, впоследствии Вхутеине.

Молодежь любила Ивана Семеновича. Всегда очень демократичный, он привлекал своих студентов к выполнению совместных работ. В его преподавательский метод входило объяснение скульптуры путем рисунка. Рисунки Ефимова были скульптурно пластичны. Свои произведения он осуществлял графически, композицию своих произведений, построение их он решал на плоскости и лишь затем реализовывал их в скульптуре.

Ефимов как-то особенно любил жизнь: в его поклонении миру, природе было что-то языческое. Он был любопытен ко всему, что его окружало, могло пробудить в нем творческое волнение, что он мог претворить в искусстве. Казалось, каждый миг он находился в состоянии художнического вдохновения.

Всегда он носил с собой альбом, заполняя его не только зарисовками, но и внося в него меткие фразы народной мудрости, отдельные яркие слова, удачные выражения собеседников.

Внимательно и настойчиво наблюдал он жизнь животных, понимал их, ощущал их хребет, их характер, повадки. Звери Ефимова обладают умом, характером. И в то же время очень лаконичны, решены в пластически острой скульптурной форме и в этом одно из существенных отличий Ивана Семеновича Ефимова от других анималистов.

Многие годы Иван Семенович вместе с Ниной Яковлевной отдали кукольному театру, продолжая и творчески развивая народные традиции «петрушечного» театра кукол. Они — первооснователи советского кукольного теневого театра — были художниками, режиссерами, актерами-кукольниками, подчас и авторами текста. И это театральное действие, движение, возможно, нашло свое развитие в том, что в создаваемых Иваном Семеновичем скульптурах и, прежде всего, в образах зверей, есть сюжетная завязка, они даны в действии: они играют, борются, бегают, купаются, — в них есть внутренняя динамика. И в этом — одна из причин их художественной выразительности и занимательности — в лучшем творческом ее выражении.

Еще важнее то, что Иван Семенович был блестящим, неповторимым рисовальщиком. Это проявилось не только в его великолепных иллюстрациях, офортах, рисунках, акварели, линогравюре. Не-

опровержимо, с большой убедительностью это сказывается в закономерности объема и массы его скульптур, прежде всего, в анималистике, в выразительности их силуэтов. И, конечно, особенно велико значение его великолепного дара рисовальщика в декоративных сквозных рельефах, выполненных им в кованой меди, названных им самим «скульптурной графикой».

Все мы помним его неустанные творческие поиски, великолепные достижения в области выявления бесконечных декоративных качеств скульптурных материалов. Недаром сам Иван Семенович говорил: «Основная моя скульптура — это действенная любовь к материалу». С необычайной изобретательностью он сочетает в одном произведении различные материалы — металл, стекло, дерево и бронзу, виртуозно применяет ковную медь, выявляет неисчерпаемые декоративные качества керамики. Каждое его произведение задумывается и рождается в определенном материале. И в этом он — подлинный новатор.

Иван Семенович Ефимов заражал всех своим жизнелюбием, радовал каждого своими произведениями. Память о нем радостна и светла. И творчество его имеет большое, неповторимое значение в развитии советской скульптуры.

И. ЧАЙКОВ.

Надо восхищаться мирозданием...

потребность. Ведь есть и такая запись: «Я праздную, когда работаю». Это тоже правда. Даже в последний, восемьдесят первый год жизни, он с удовольствием продолжал свою работу над эскизом памятника Ивану Андреевичу Крылову, которого очень ценил и, можно сказать, по-родственному любил с первых лет революции, когда он и его жена, художница Нина Яковлевна Симонович-Ефимова, ставили и играли басни Крылова в своем кукольном театре — театре движущейся скульптуры, как они говорили.

Иван Семенович был всегда увлечен искусством, увлечен не тем, что было «модно» в тот период, а тем, что возникало в нем самом. И от этого радостного увлечения рождалось множество красивых, веселых, интересных вещей — оригинальные вырезания из бумаги, монументальные скульптуры из фаянса и дерева, фигуры зверей из ковального медного листа, из металлических полос («скульптурная графика»), скульптура из стекла, изваяния для архитектуры, иллюстрации книг и театральные куклы.

Таким же многогранным дарованием счастливо владела и Нина Яковлевна — они составляли «двуединое творческое существо».

Они были отзывчивые, добрые люди, но доброта эта мигом кончалась, когда они чувствовали в ком-то лишь намек на пошлость, приспособленчество, желание устроиться что-либо с сугубой пользой для себя, а не для общего дела.

Очень прочным стержнем бытия Ивана Семеновича, и как человека и как художника, была родная природа. Во время неторопливой лыжной прогулки, в морских волнах, на покосе, верхом на лошади — у него рожда-

лись идеи будущих скульптур. Кажется, не было письма отца ко мне, в самые различные годы, в которых бы он не напоминал о благодатности, плодотворности общения с природой. Делалось это не скучной, назойливой проповедью, а всегда с юмором, со своими наблюдениями, делясь своим опытом.

Вот, например, наугад взятое письмо его, восьмидесятилетнего, ко мне, пятидесятилетнему: «Дорогой Андриан, недавно падал сырой снег и ложился высокими, чисто срезанными с боков, сугробиками, и даже на иглы боярышника, на каждую-каждую веточку и иголочку, так что сад стал такой же пышный и заполненный и защищающий от внешней суеты, как и летом, и наливалась благостной тишиной душа, когда там сидел под рябиной ве-

чером. А на другой день сугробики просвечивали солнцем. Наверное от этого я все вижу какие-то сны со скульптурами: один — русский пейзаж с елочками и сугробами из фарфора, другой — мощный фонтан из морской воды хлещет из недр. Целую. Иван».

И никогда, или очень редко, в письмах — о быте, о деньгах, о «благоустройстве», хотя материально жизнь его была далеко не легкой.

А. ЕФИМОВ.

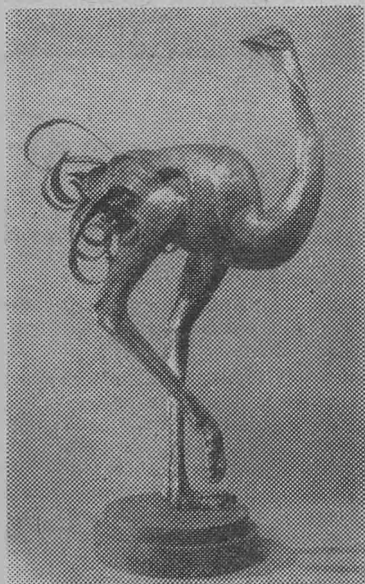
Предлагаем вниманию читателей работы И. ЕФИМОВА:

рисунки «Олень»;

«Страус» (кованая медь);

«Кошка с шаром» (фаянс).

Фото Л. Сытина.

ИВАН Семенович Ефимов, мой отец, всегда носил с собой альбомчик и не только рисовал в нем что-либо заинтересовавшее его во время прогулки, на выставке, в трамвае, на заседании или в гостях, но и записывал понравившийся ему смысл разговора с другом или со случайным попутчиком, пришедшую на ум мысль самого различного содержания, шутку. Так, во множестве альбомчиков и альбомов, среди рисунков, сделанных лаконичными, тугими линиями, не сомневающимися штрихами, изображающими то пейзаж, то облик понравившейся незнакомой дамы, то орнамент наличника избы, то собаку или лошадь, то композиционное решение будущей своей скульптуры — появляется, например, такая запись: «Теперь я чувствую себя гораздо более молодым, жизнелюбивым и сильным, чем в молодости. Надо всегда восхищаться мирозданием».

Это написано в семидесятилетнем возрасте и не для красного словца. Восхищаться и создавать самому красоту — это его

